

Анна Зыкова-Кругова

Васильки

Воспоминания москвички

Анна Зыкова-Кругова

Васильки. Воспоминания
МОСКВИЧКИ

«Издательские решения»

Зыкова-Кругова А.

Васильки. Воспоминания москвички / А. Зыкова-Кругова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904862-2

В книге «Васильки» Анна Алексеевна Зыкова-Кругова (1909 — 1992) описала свою жизнь, полную удивительных событий и приключений. А ещё — это повесть о жизни простой московской семьи и о любви и верности. Фото на обложке Василия Кругова

ISBN 978-5-44-904862-2

© Зыкова-Кругова А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Моё детство в Лефортово	7
Мои родители	8
Моё рождение	9
Рождение братьев	10
Как отец стал большевиком	11
Мои друзья	12
Школьные годы	13
Наша жизнь в Новой Деревне	14
Как мы переехали с Филаретовской на Пролетарскую	15
Моя молодость	17
Как я пошла работать	17
Знакомство с Васей	21
Моя учёба в ЦИТе	24
Как я вышла замуж	25
Васины родители	28
Сын	29
Неприятности	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Васильки

Воспоминания москвички

Анна Зыкова-Кругова

Редактор Галина Васильевна Тарасова

Редактор фотографий Мария Вадимовна Королева

© Анна Зыкова-Кругова, 2018

ISBN 978-5-4490-4862-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Фото Василия Кругова

Предисловие

Моя мама, Зыкова-Кругова Анна Алексеевна (1909—1992), написала очень интересные воспоминания о своей жизни. Я назвала её воспоминания красивым словом «Васильки». Это игра слов, папу звали Василием, а я в детстве перепутала васильки с Соловками.

Все, кто читал «Васильки», спрашивали, почему воспоминания начинаются с шестнадцати лет, где же детство мамы? И вот, однажды, мы с внучкой Катей разбирали стенной шкаф и среди старых журналов нашли папку. И случилось чудо! В папке лежала рукопись с рассказами о детстве мамы, прошедшем в старом московском районе Лефортово.

И теперь, наконец, воспоминания мамы начинаются с её детства.

Тарасова Галина Васильевна

Моё детство в Лефортово

Я помню себя с четырёх лет. Наше детство, моё и двух моих братьев, Миши и Шуры, прошло в Москве за Рогожской Заставой на Филаретовской улице близ Чаеразвесочной фабрики «Караван» и позади металлургического завода, принадлежавшего французу Юлию Гужону. Теперь это завод «Серп и Молот». В 1917 году фабрику занимали большевики и вели отсюда бой с кадетскими корпусами, казармы которых находились в Лефортово. Когда кадеты стреляли, снаряды попадали в наши дома. А мы, все дети и женщины, сидели в сарайных погребах. Помню, были раненые.

Мои родители

Мой отец, Зыков Алексей Петрович, родился в семье крестьян Зыкова Петра Егоровича и Зыковой Елены Абрамовны в селе Мостцы Владимирской области в 1888 году. С 12 лет жил в Москве. Отец был грамотный, красиво писал, говорил, что окончил городское училище. В 1907 году отец стал работать в Курских вагонных мастерских Московско-Курской железной дороги, ныне Завод имени Войтовича. Начинал он помощником листоправа, крыл железом крыши вагонов. Отец был мастером на все руки, умел крыть крыши домов, делать из железа вёдра и печки-буржуйки, красить масляными и клеевыми красками, оклеивать квартиры обоями, шить нам обувь. Отец был живой, как я его помню с самого детства, небольшого роста, упитанный, энергичный молодой человек. Он очень любил чисто одеваться, всегда при галстуке, каждый день брился. Так это и осталось у него до конца жизни.

Моя мама, урождённая Лесина Ирина Ефимовна, родилась в 1888 году в деревне Мишнево Владимирской области, Камешковского района. Отец её Лесин Ефим Яковлевич, мой дедушка, работал 40 лет печником в Курских вагонных мастерских. Мать её, моя бабушка Анна Ивановна Лесина, урождённая Полшкова, зимой жила с пятью детьми в Москве, а летом в деревне Мишнево, где у них был дом.

В 1906 году мои родители в возрасте восемнадцати лет поженились, венчались в церкви. В 1907 году у них родился сын Миша, но в возрасте одного года умер.

Алексей Петрович и Ирина Ефимовна Зыковы, слева мать Алексея Петровича Елена Абрамовна, 1907 год.

Моё рождение

В 1909 году отца взяли на военную службу. Служил он в чине полкового каптенармуса в Москве в Крутицких казармах возле Симонова монастыря. Служил в армии отец года четыре, иногда приходил со службы домой. Мама осталась дома одна, и поэтому рожать меня она поехала в деревню, где летом жила бабушка Анна Ивановна. Я родилась тридцать первого июля по старому стилю, 1909 года. Меня крестили в Церкви Введения во Храм Пресвятой Богородицы в селе Мостцы, где крестили моих родителей, и где они венчались. Мама говорила, что назвали меня Анной в честь бабушки. В Москву меня привезли в месячном возрасте, вместе с нами вернулась бабушка.

Современный вид Церкви Введения во Храм Пресвятой Богородицы.

Местность в Москве, в которой жили родители, называлась Новая Деревня, а адрес был Филаретовская улица, дом 2, квартира 9. Родители занимали маленькую комнату на первом этаже. В этой квартире ещё жила семья рабочих по фамилии Мешковы, у них была девочка Зина, моя ровесница. Мы прожили в этой комнате лет пять, а потом переехали в квартиру 10 на втором этаже этого же дома. В этой квартире у нас было три комнаты, одна большая и две маленьких. Была кухня с русской печью и чуланом. В квартиру вела широкая крутая лестница. В одной из маленьких комнат жил младший брат папани Тима, он тогда был неженатый красивый молодой человек.

Одно время мама работала в ресторане возле Курского вокзала, мыла посуду. Ресторан принадлежал её старшему брату Степану Ефимовичу. Она называла ресторан «Наскекин», там катались на роликах. Вместе с мамой в Наскекине работала жена дяди Петра, тётя Аннушка. А со мной и сыном тёти Аннушки Колей сидела бабушка Анна, мы её звали тогда «бабка». Помню, как мы залезали на подоконник и говорили: «Вон там работают наши мамы!»

Рождение братьев

В 1913 году, в июне, родился брат Миша. Он родился в Московском роддоме на Солянке, в доме с колоннами. Когда мама уходила в роддом, бабушка Анна была в деревне, и меня отдали Поляковой Нюше, с которой мама дружила. Нюша и её семья жили в третьем доме на первом этаже. В этом же доме на втором этаже жила мамина сестра Акси́нья. Её муж Сергей пришёл с фронта и долго болел. Иногда он терял сознание и в беспмятстве воображал, что идёт в атаку. В этом доме он умер и похоронен на кладбище Андроньевского монастыря.

После армии отец вернулся в Курские вагонные мастерские. В 1915 году, в октябре, родился брат Александр. Мама родила его дома. Я помню, как тогда все бегали и привели какую-то бабку. Но вот крестили его в церкви Василия Исповедника на Рабочей улице.

Больше детей у наших родителей не было. Мама не работала, сидела с нами и вела хозяйство.

Как отец стал большевиком

В конце 1915 года, работая в Курских вагонных мастерских листоправом, отец познакомился с революционерами Войтовичем и Степановым. Они брали его на нелегальные партийные собрания и в кружки Рогожско-Симоновской и Лефортовской партийной организации РСДРП большевиков. В начале 1916 года руководители партийной организации товарищи Прямиков, Фёдоров и Рублевский давали отцу разные задания, такие как распространение нелегальной литературы среди рабочих и сбор денежных средств. В первые дни Февральской революции 1917 года отец вступил в партию РСДРП большевиков. А в октябрьские дни 1917 года отец состоял в вооружённом отряде большевиков и принимал активное участие в подавлении юнкеров в кадетских корпусах.

В 1917 году отца избрали председателем домоуправления, в которое входили три двухэтажных дома, конфискованных у моего дяди Лесина Степана Ефимовича.

Старший мамин брат Степан был очень умный, предприимчивый человек. Он учился, стал строителем и построил себе в Москве на Филаретовской улице три двухэтажных дома. У дяди Степана было шестеро детей, и всем он дал высшее образование, кроме последней дочери, Таи, которая окончила девять классов. Младший сын Степана – Иван Степанович Лесин, инженер, погиб во время войны в 1943 году. Ещё один мамин брат, дядя Петро, был хорошим маляром, а сёстры были домашними хозяйками. Все родственники дяди Степана, включая отца и мать, жили в его домах, конечно, не бесплатно.

Когда дедушка Ефим Яковлевич ушёл с работы, он уехал в деревню Мишнево. Бабушка Анна умерла в двадцатых годах, а дедушка ослеп и женился на женщине лет пятидесяти, которая за ним ухаживала. Умер дедушка в возрасте девяноста лет.

Мои друзья

В детстве я дружила со своей двоюродной сестрой Таей и двоюродными братьями Ваней Дудоровым (Ваня погиб на войне) и Васей Варламовым, а также с другими дворовыми ребятами. Мы ходили играть в лапту, салки и чижика на луг Велинговской рощи. Правда, никакой рощи там не было. Как рассказывала бабушка Анна, в её молодости была роща с вековыми деревьями. Но случился сильный ураган, как тогда говорили «светопредставление», деревья были вырваны с корнем, летели камни, солнышко скрылось, стало темно.

Кроме игр мы ходили в Баулин лес за ягодами и грибами, а также купаться на Синичкин пруд и пруд Ключики. Никаких домов вокруг этих прудов не было, только поле. А Баулин лес теперь называется Измайловским лесопарком. В Синичкином пруду утонула моя двоюродная сестра Вера, это было примерно в 1915 году. Она похоронена на кладбище Всехсвятского женского монастыря, территорию которого теперь занимает завод «Серп и Молот».

Занималась с нами этими мероприятиями бабушка Окулина, родная бабушка моих двоюродных сестры Лёли и брата Коли, детей дяди Петра. Бабушка Окулина жила в нашем доме со своим сыном дядей Ваней Лопановым. А семья дяди Петра жила в доме номер 3 на втором этаже в трёхкомнатной квартире. Ходить в лес и купаться на пруды было очень далеко, никакого транспорта на Владимирском шоссе, теперь шоссе Энтузиастов, не было. Позже трамвай номер 2 стал ходить из центра только до Рогожской Заставы, где и теперь стоит верстовой столб с надписью «От Москвы 2 версты». По всей дороге от Горбатого Моста по Владимирскому шоссе стояли маленькие частные домики, и было много лугов и полей.

Лет с пяти-шести мы втроём, я, Тая и Вася Варламов самостоятельно мыли полы по очереди, каждую квартиру. У Таи было две квартиры, у Васи одна из трёх комнат и у нас из трёх комнат. Полы были деревянные. Вася тёр пол проволочной мочалкой, а мы с Таей смывали и вытирали сухими тряпками. Работали долго, с утра до вечера. Воды в домах не было, за водой ходили на басейку, которая находилась за Всехсвятским женским монастырём. Теперь это трамвайная остановка «Завод Войтовича». Монастырь был окружён высокой стеной, там жили монашки, я знала троих: мать Савостьяну, мать Олимпиаду и мать Марию. В монастыре были церковь и кладбище, я была в этой церкви. В семнадцатом году в этом монастыре засели жандармы и тоже оттуда стреляли по рабочим дружинам. После Октябрьской революции дома, в которых жили монашки, заселили рабочими. А в одном из этих домов сделали школу. И в первый класс я пошла в эту школу.

Школьные годы

Школа, расположенная в одном из домов Всехсвятского монастыря, была ликвидирована, так как здание для учёбы было не приспособлено. И во второй класс в 1917 году меня отдали в школу на 3-ей Рогожской улице, теперь это улица Вековая. Эту школу называли гимназией. В школе учились только девочки. Помню, как нас в большую перемену выстраивали в пары и вели в зал, где батюшка вёл молебен, что-то читал, а мы молились. Я так до сих пор и не знаю ни одной молитвы. Но вскоре молебны были отменены, школу закрыли, а нас перевели в школу номер 9 на Малой Андроньевской. В эту школу мы с ребятами ходили пешком от Новой Деревни. Иногда присаживались сзади на сани к какому-нибудь извозчику. Извозчик, бывало, увидит это, ругается и замахивается кнутом. Позже в здании школы номер 9 сделали Дом пионеров, а детей перевели в школу номер 10, расположенную в соседнем здании.

Училась я, как видно, не совсем хорошо, удовлетворительно, правда, писала красиво. Отец моей учёбой был недоволен и нанял мне учительницу, которая летом меня за три месяца подготовила в шестой класс. В пятом я так и не училась. Учительницу звали Ксенией Сергеевной Александровой, а её мужа, тоже учителя, звали Иваном Матвеевичем. Жили они на Землянке, в Тетеринском переулке. Ксения Сергеевна преподавала математику в школе номер 22 на Воронцовской улице. В этой школе стала учиться и я, а также мой брат Шура. Русский язык у нас преподавала Мария Саввишна Зыкова, моя однофамилица. Она жила на Большой Андроньевской, угол 1-ой Рогожской, теперь Школьной. Говорили, что её родители имели грибные лавки. Теперь Школьную улицу не будут застраивать новыми домами, а оставят, как старину.

Уроки дома я делала при свете трёхлинейной керосиновой лампы, которая стояла на столе. Электричества в то время не было. В праздники зажигали лампу молнию, которая подвешивалась к потолку в большой комнате.

Наша жизнь в Новой Деревне

Когда мы жили в Новой Деревне, мои братья Миша и Шура ещё не учились.

До революции наша семья жила бедно. Мебели у нас не было, только столы, табуретки и одна кровать, на которой спали родители. А мы все вместе, я, Миша и Шура спали в большой комнате на полу на перине, мамином приданом. Простыней и пододеяльников не было. Правда, кушали мы из разных тарелок, но деревянными ложками.

Помню, в первом доме с фасада была продуктовая лавка, в которой мама брала продукты в долг. У неё была такая книжка, в которой записывалось, что она брала. В получку отца она расплачивалась. Кому принадлежала лавка, не помню. Часто мама говорила, что купила «головизну». Из неё она варила щи или суп, второго не было. Всё готовили в русской печке, которую топили утром один раз в день. Чай пили из самовара, кипятили его углями. Уголь привозил дядька на лошадке для всего двора и кричал: «Кому угля, кому угля?».

Одевались тоже неважно, во всё ситцевое. Но зато всё было чистое, мама часто нас переодевала. Однажды, когда мне было лет шесть, папа с мамой поехали на Сухаревский рынок и взяли меня с собой. На Сухаревском рынке мне и Мише купили матроски и шляпы. В воскресенье, как раз была Пасха, я нарядилась в матроску, и в этот же день упала в лужу в подъезде первого дома и испортила весь костюм, за что мне здорово попало.

В 1917 году с питанием было очень плохо. Картошку, помню, варили в самоваре, из-за разрухи не было дров. На детей давали карточки. Я с карточками ходила в столовую, которая опять же размещалась в одном из зданий монастыря. Обед носила в двухэтажных судках для первого и второго.

Мы часто дома оставались одни на несколько дней, я была за старшую. К вечеру мы прятались на печке. Отец всё время отсутствовал, так как он состоял в революционном отряде. А мама ездила за хлебом.

Я помню такой случай. Мы с дворовыми ребятами моего возраста побежали на Яузский мост и увидели, как рабочие Рогожско-Симоновского района сбросили с моста городского, который убил рабочего Астахова. Теперь на Яузском мосту висит мемориальная доска товарищу Астахову.

Ещё помню, как в году двадцать втором в клуб Курских вагонных мастерских приезжал В.И.Ленин. Отец нам сказал, что он будет охранять В.И.Ленина и будет стоять где-то около входа в клуб. Мне очень захотелось посмотреть на Ленина. И мы с девочками, чтобы быть повыше, набили в валенки сена. Но нас, конечно, никуда не пустили. И мы так и не видели В.И.Ленина.

Как мы переехали с Филаретовской на Пролетарскую

В 1922 году мы переехали с Филаретовской улицы на Пролетарскую, бывшую 4-ую Рогожскую. Дом, в который мы переехали, до революции принадлежал купцу Савве Морозову. Это был доходный дом. Морозов сдавал в нём квартиры в наём. По всем данным в нём жили богатые люди. Дом был кирпичный, четырёхэтажный, с двумя подъездами. В каждом подъезде было две лестницы, парадная, выходящая на улицу, и чёрная, выходящая во двор. В квартирах было по пять комнат, ванны, высокие потолки, красивые паркетные полы, двустворчатые двери под дуб, центральное отопление. Во внутреннем дворе каждой квартире принадлежал большой кирпичный сарай.

Году в девятнадцатом всех, кто жил в этом доме, выселили, а дом передали рабочим Курских вагонных мастерских. Этот дом в то время называли «Домом коммуны». В некоторых квартирах от прежних жильцов осталась хорошая мягкая мебель, пианино и фисгармонии.

Мы в этот дом въехали, поменявшись с рабочим Парамоновым. Поскольку Парамонов уволился из мастерских, ему предложили уехать из этого дома. Вот он и поменялся с моим отцом. Мы ему отдали свою трёхкомнатную квартиру, а взамен получили две смежные комнаты в квартире номер 15 на третьем этаже.

В этой квартире были ещё две смежные комнаты и одна маленькая. В смежных комнатах жили Котиковы Александр Яковлевич, Любовь Петровна и их сын Виктор. В маленькой комнате жили две сестры Маруся и Варя Домогацкие и их брат Вова. Во время войны Вова служил на подводной лодке, где и погиб.

Через несколько лет мы переехали в другую квартиру, расположенную на четвёртом этаже другого подъезда. В этой квартире нам принадлежали три комнаты. В двух других комнатах жила семья Гороховых Ивана Артемьевича и Екатерины Егоровны. У них были дочь Шура и сын Виктор.

Когда мы переехали на Пролетарскую, мой брат Миша поступил в первый класс в школу номер 4. Она размещалась на Ульяновской улице. Учился он почему-то неважно, много баловался. После окончания им седьмого класса, папа определил Мишу учеником котельщика на завод Парострой. Раньше этот завод принадлежал Александру Бари, и на этом заводе работал друг Бари известный академик Владимир Шухов. Шухов был автором многих изобретений, он изобрёл котлы Шухова, спроектировал узорчатую крышу Киевского вокзала, радиомачту и другие объекты. Завод Парострой помещался в Симоновской слободе напротив завода Динамо.

Младший брат Шура поступил в мою школу номер 22 на Воронцовской улице. После седьмого класса папа определил его в школу ФЗО на автомобильном заводе имени Сталина. Шура был способный мальчик, увлекался птицами, разводил кроликов, играл в футбол.

Михаил, Александр и Анна Зыковы, 1935 год.

Моя молодость

Как я пошла работать

Педтехникум им. Крупской, в котором я училась, находился на Смирновской улице, рядом с Рогожским кладбищем. В 1925 году его перевели в Ростов Ярославской области, техникум стал с сельскохозяйственным уклоном.

Я в Ростов не поехала, меня родители не отпустили, так как мне было мало лет, около шестнадцати.

Я поступила на курсы по подготовке в ВУЗ. Прочувшись месяцев шесть, я заболела воспалением надкостницы: вроде сначала был флюс, а потом всю щеку разнесло, заплыл правый глаз, поднялась высокая, до сорока градусов, температура. Лечили разными полосканиями. Болела месяца полтора, после этого на лице остался шрам. Операцию не делали, чирей сам прорвался наружу. Между прочим, зуб, от которого всё случилось, был хороший, но на корне зуба оказался гнойный мешок.

После болезни на курсы я не пошла, так как я много пропустила, да и в ВУЗ принимали только с рабочим стажем.

На работу устраивали только с биржи труда, куда я и встала на очередь. Биржа труда находилась в Рахмановском переулке, с другой стороны она выходила на Петровку.

С биржи труда меня направили на Главный материальный склад Курской железной дороги. Он находился на Шоссе Энтузиастов сзади завода Войтовича. Главный материальный склад возглавляли: начальник по фамилии Зигун, его помощник Копылов Фёдор и главный инженер Селезнёв. Меня зачислили рабочей в бухгалтерию, где я занималась приведением в порядок бухгалтерского архива. Работа ни уму, ни сердцу: нумерация и подбор бумаг, а также разная конторская работа.

В бухгалтерии было народу человек десять – пятнадцать, возглавлял её главный бухгалтер Слободин М., и работали в ней следующие сотрудники:

Жамин Михаил Андреевич – старший бухгалтер,

Скоробогатов—Гуркин,

Каблучков – очень старый человек,

Гайдук Ольга Антоновна (потом стала женой Слободина),

Соколова Женя (жена зав. кладовой Матвеева),

Горбунова Тоня – счетовод,

Гусева Женя – диспетчер,

Леонова Лида (жена зав. кладовой Бриллиантова),

Андрианова Лидия (жила рядом с нашим домом на Малой Андроньевской) и другие.

В кладовых работали:

Матвеев – муж Жени Соколовой,

Потапов (потом говорили, что его сын стал политобозревателем),

Бриллиантов Иосиф (муж Лиды Леоновой)

и уборщица Лопатина, которая жила на Малой Андроньевской улице.

На главном материальном складе молодёжи совсем не было, поэтому мне было работать не интересно, а я была уже комсомолкой. В комсомольскую организацию я вступила в 1926 году на фабрике «Москвошвей №4», рядом с нашим домом. На фабрике было много молодых работниц, с некоторыми я была знакома. Я ходила на комсомольские собрания, ходила с ними в кино, имела небольшую комсомольскую нагрузку. Когда я вступала в комсомол, секретаря-

рём ЦК Комсомола был Александр Косарев (репрессирован), после был Михайлов. В Рогожско-Симоновском районе секретарём был Жоржик Лукьянов.

На работе я подружилась с Лидой Леоновой, она жила в Сыромятниках, нам с ней было по пути ходить домой. Лида была старше меня лет на пять. Мы с ней тоже по вечерам ходили в кино («Таганский») и в сад Прямикова.

Иногда по пути домой с нами шёл бухгалтер Жамин Михаил Андреевич, он жил недалеко от Землянки. Мне тогда казалось, что он ухаживает за Лидой, я им не мешала. Но через несколько месяцев он не пошёл провожать Лиду, а пошёл со мной, хотя ему было не по пути. Называл он меня не по имени, а «Маленькой». Я, откровенно говоря, его ухаживания не принимала, он мне не нравился, хотя он очень модно и чисто одевался и был очень высокий симпатичный человек. Потом он назначал мне свидания, ходили мы с ним в парк «Кадетские корпуса» в Лефортове и в кино. А за Лидой начал ухаживать Иосиф Бриллиантов.

Так на материальном складе я проработала два года. Время шло, я ничему не научилась, так как должностей для меня подходящих не было, а работа, которую я выполняла, мне ничего не давала. Получала я тогда сорок два рубля семьдесят копеек.

Дома я плакала: «Не хочу работать на этом складе!». В конце ноября 1928 года мой отец через своего товарища Селянина Владимира, который работал коммерческим директором в строительном-монтажном бюро (СМБ) при Теплотехническом институте, устроил меня конторщицей в бухгалтерию.

Начальником расчётной части бухгалтерии была Зольман Эрна Михайловна.

Сотрудниками бухгалтерии были:

Карпова Женья – бухгалтер,

Жеребин Константин – главный бухгалтер,

Меченко Мария Александровна – помощник главного бухгалтера,

Воронцов Владимир Васильевич – бухгалтер,

Вестнер Ольга Васильевна – бухгалтер,

Лобанова Нюра – курьер.

Сотрудники меня хорошо приняли, выделили мне самостоятельный участок работы: вести картотеку по выдаче спецодежды и, конечно, показали, как надо всё делать.

Без моей резолюции отдел снабжения никому рабочую спецодежду не выдавал. Я писала на накладных: «Спецодежду не получал, поэтому следует выдать». Потом все смеялись: «Подумаешь, какой начальник!».

Я (слева) с подружкой, 1925 год.

Теплотехническим институтом имени Кирша и Гриневецкого, ныне имени Дзержинского, руководил профессор Рамзин, жил он недалеко от института в двухэтажном деревянном доме, рядом с заводом «Парострой». Рамзин читал лекции в МВТУ, его заместителем в СМБ был профессор Предтеченский Сергей Алексеевич. СМБ организовали в 1924 году, оно помещалось в центре Москвы, на Ильинке, Юшков переулок (теперь проезд Владимирова), дома №4 и №6.

В тридцатых годах Рамзин был осуждён за то, что якобы руководил промпартией, но за изобретение прямоочного котла был освобождён и награждён высокой правительственной наградой.

Кроме Рамзина, у нас в СМБ работали известные инженеры, такие, как учёный секретарь Очкин, изобретатель водоочистки Гордон, изобретатель Ревокатов, бывший владелец Тульских заводов Николай Николаевич Львов, инженер Доллежалъ (ныне академик). В тресте ЦЭМ в проектно-монтажном отделе работали два брата Филлиповы, которые до революции совместно с отцом имели булочную, находящуюся на улице Горького, рядом с Гастрономом №1, бывшим Елисе-евским.

Мы, комсомольцы, часто ездили на собрания в Теплотехнический институт. В 1931—1932 годах собрания были посвящены чисткам партии большевиков. Я помню, вызвали инженера Арманда, он стал рассказывать свою биографию и сказал, что его отец был московским фабрикантом, тут все стали шушукаться, как, мол, «чуждый элемент» попал в партию, а он и говорит: «Зато моя мать – известная революционерка Инесса Арманд, умерла в 1920 году от тифа и похоронена на Красной площади, а отец помогал партии деньгами». Такой же случай был с нашим инженером по водоочистке, старым членом партии Соколовым Иваном Михайловичем. Нашли, что он не порвал со своим отцом, «чуждым элементом», священником, и даже ездил на его похороны. Иван Михайлович сказал так: «Я ездил хоронить не священника, а отдать долг памяти своему отцу». И. М. Соколов был исключён из партии, но впоследствии был восстановлен и долгое время возглавлял партийную организацию ЦЭМа.

Знакомство с Васей

Поступив в бухгалтерию СМБ, я тут же прикрепилась к комсомольской ячейке, в которой было человек пять. Меня сразу избрали членом бюро. Секретарём ячейки был слесарь Дмитрий Никифоров, а членами были слесарь Кононов Женя, Андриющенко Григорий и Кругов Вася.

Вася поступил в СМБ в ноябре 1928 года, примерно вместе со мной, в отдел снабжения грузчиком на машину.

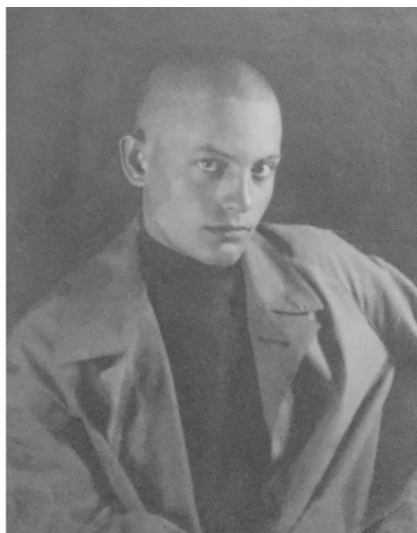
Нас, комсомольцев, часто посылали загружать и разгружать железнодорожные вагоны то с углём, то с картошкой. За это нам давали билеты в какой-нибудь театр, куда мы все вместе ходили.

Вася сразу в ячейке проявил себя грамотным парнем и большим организатором, ведь он окончил у себя в Грибановке среднюю школу с отличием, там вступил в пионеры и в комсомол. Приехал он в Москву к брату Макс, который учился в МГУ на литературном факультете. Он тоже хотел поступить в университет. Жить было негде. Макс жил в общежитии, где-то на Якиманке, но так как Макс часто отсутствовал, Вася занимал койку Макса. Денег у Васи не было, родители ему ничего с собой не дали, надеялись, что он будет жить вместе с братом. Но Макс сам был студентом. Пока Вася ещё не работал, он помогал одной студентке сидеть с ребёнком. Есть было нечего. Он говорил, что когда и у студентки ничего не было, он ел сухую гречневую крупу, варить ему было нельзя, так как он не был прописан.

Он решил, что так долго не проживешь, и стал искать работу. Опять была безработица, и на работу можно было устроиться только через биржу труда. Случайно встретив в Москве своих деревенских, он узнал, что где-то в Москве живёт Андрей Удалых. Андрей Удалых был ему в какой-то мере родственник, так как старшая сестра Васи Настя была замужем за братом Андрея Дмитрием.

Андрей Удалых был членом партии, как будто работал секретарём парторгана на Метрострое, а также выполнял отдельные поручения по партийной работе в Рогожско-Симоновском райкоме партии, где уже работал мой отец Зыков Алексей Петрович. Среди многих членов партии, выполнявших партийные поручения моего отца, был товарищ Цукерник Миша. Цукерник работал начальником отдела кадров СМБ и был знаком с Андреем Удалых. Удалых попросил Цукерника устроить на работу Васю. В это время в СМБ требовался грузчик для перевозки разного котельного оборудования с монтажа на монтаж. Таким образом, Вася в возрасте шестнадцати лет оказался грузчиком, но чтоб его приняли на работу, ему пришлось прибавить себе два года. И вместо 1912 – годом его рождения стал 1910 год (паспорт с этой датой рождения у меня хранится до сих пор).

В 1929 году СМБ было передано в трест «Тепло и Сила», который находился в Милютинском переулке, выходящем на улицу Кирова. Трест располагался на шестом этаже, а на первом был клуб деревообделочников, где мы проводили свои комсомольские мероприятия. Однажды в клубе выступал Маяковский, читал «Клопа».

Вася Кругов с причёской под Маяковского, 02.06.1929 г.

Мы, комсомольцы, часто ездили на экскурсии, в начале 1929 года мы ездили в Ленинские Горки. Вот с этих пор Вася от меня нигде не отставал, часто звонил мне на работу.

Однажды, в 1929 году, я заболела ангиной с очень высокой температурой, и к нам домой на Пролетарскую (так назывался тогда Малый Рогожский переулок), пришёл навестить меня Вася. Я очень была недовольна, ругала его: «Зачем пришёл?». С тех пор Вася стал часто приходить к нам домой.

Наша семья жила на четвёртом этаже большого кирпичного дома, построенного в начале века Саввой Морозовым. Квартира была пяти-комнатная со всеми удобствами, комнаты – сухие, светлые, с высокими потолками. Мы занимали три комнаты, в двух других жили соседи, Гороховы. Четыре окна наших комнат выходили на Малую Андроньевскую улицу, одно окно на Пролетарскую. Улицы были зелёные, вдоль тротуаров росли старые липы.

Вид из окна на Малую Андроньевскую улицу.

В 1929 – 1930 годах одет был Вася неважно, кое в чём. Ещё когда не было квартиры, и он ночевал у разных друзей Макса, у него украли всю летнюю и зимнюю одежду, осталось барахло. Денег на новую одежду у него не было, родители ему ничем не могли помочь, потому что у них тоже ничего не было, они были «твёрдозаданцами». Я всего этого не знала, он никогда не жаловался. Правда, когда он приходил ко мне домой, я видела, как плохо он выглядел, и старалась угостить его чаем и обедом.

Жил он в это время на улице Горького, в Глинищевском переулке, в доме №4. В этом переулке есть дом, на котором установлена мемориальная доска поэту Мицкевичу, другу Пушкина. Ещё в переулке есть дом, где живут народные артисты. В дом №4 Васю прописала временно одна гражданка, которая сама там не жила. Вася только вносил за неё квартплату. А потом эта гражданка выписалась, и Вася остался в комнате постоянно.

Комната была на первом этаже внутри двора, окно упиралось в сарай, в комнате было темно и сыро, на полу были большие щели. Вещей у Васи не было никаких, кроме ржавой железной кровати и столика с табуреткой. В этой квартире было ещё две комнаты, в одной из которых жили две старушки, в другой комнате жил с женой милиционер дядя Серёжа.

Вася Кругов, 10.02.1930 г.

Грузчиком Вася работал с ноября 1928 года по июль 1929 года. С июля 1929 года его перевели в управление треста «Тепло и Сила», преобразованного позже в Московское отделение правления В/О «Котлотурбина», на должность технического исполнителя особого учёта и начальника канцелярии. Он оформлял на работу окончивших вузы молодых специалистов. Многие из них стали потом руководителями: Вася Габриелов – начальником «Мосэнергомонтажа», Гита Исааковна Мушкатина – руководителем проектного отдела ЦЭМа.

Моя учёба в ЦИТе

В начале 1930 года в правлении «Котлотурбины» организовали курсы при Центральном институте труда. Начальство предложило мне пойти на эти курсы, хотя мой главный бухгалтер категорически возражал, он говорил: «Ты у меня будешь впоследствии главным бухгалтером». Но я всё же решила пойти учиться в ЦИТ, тем паче, что нам оставляли получаемую зарплату. Вася тоже очень хотел пойти на курсы, но его начальник по фамилии Музыка (говорили, что он был секретарем у Каменева), не отпустил его. На этих курсах в ЦИТе со мной училась жена Музыки Лина Фёдоровна Музыка.

А Васю в апреле 1931 года перевели на Московский завод «Парострой», начальником которого стал Вл. Ник. Казаков, раньше работавший у нас в тресте заместителем управляющего, а управляющим стал Кириллов Иван Емельянович – «выдвиженец» (печник) с завода «Серп и Молот».

В ЦИТе нам читали лекции: по станковедению – преподаватель Ковалевский, по монтажу теплосиловых установок – наш цэмовский инженер Дунаев Николай Васильевич. Практику по холодной обработке металлов мы проходили непосредственно в ЦИТе. Работали на токарных, фрезерных, сверлильных станках, а также занимались слесарными работами: зашлифовали, шлифовали металлические поверхности и рубили зубилами. Нам читали лекции по инструментам, по монтажу котельных установок, практику по этим предметам мы проходили непосредственно на монтажных площадках. В ЦИТе нас также учили черчению, а так как я немножко рисовала, черчение мне давалось легко. Я чертила аккуратно и красиво, иногда даже помогала чертить своим товарищам, у кого плохо получалось. И так я проучилась в ЦИТе год: с пятнадцатого января по пятнадцатое декабря 1930 года. Комиссия присвоила мне звание техника – нормировщика по оргоустановочной методике ЦИТа, как по холодной обработке металлов, так и по монтажу теплосиловых установок. После учёбы я вернулась в трест ЦЭМ, где меня зачислили в отдел тарифно-нормировочного бюро при отделе труда. Начальником бюро был Жохов Михаил Фёдорович. Работать мне было легко, так как я была уже хорошо знакома с бухгалтерией. На работе мне приходилось проверять наряды, проверять правильность применения норм времени на монтаж котлов и турбин.

Как я вышла замуж

Василий Кругов с апреля 1931 года стал работать на заводе «Парострой», бывшем «Бари», на котором изготовляли котлы Шухова. Вначале его назначили управделами завода, потом экономистом, потом помощником директора завода по производственным совещаниям.

Мы по-прежнему с Васей часто встречались, ходили в театры. К этому времени комсомольская ячейка сильно выросла, и встал вопрос об освобождённом секретаре.

Освобождённым секретарём комитета ВЛКСМ избрали Васю. До Васи ячейку возглавлял комсомолец Николай Вялков, членом бюро был мой брат Михаил Зыков, он в то время тоже работал на заводе «Парострой» подручным котельщика.

В то время котлы Шухова строили не на сварке, а клепали обечайки котла вручную заклёпками. Наверху котельщик бил кувалдой по заклёпкам, а внутри сидел подручный и поддерживал заклёпку поддержкой. Вот эту самую работу и выполнял мой брат Миша, поэтому у него болели уши, и даже лопнула барабанная перепонка. Котельщиков, кстати, называли «глухарями». Потом заклёпки стали клепать сжатым воздухом, но в барабане по-прежнему сидел подручный. Впоследствии ручную клёпку заменили сваркой.

Однажды все члены старого бюро ячейки во главе с Вялковым ушли добровольцами в Красную Армию, потому что обиделись, что им указали на какие-то ошибки. Ошибки были такие: они в стенгазете написали лозунг «Восемьдесят процентов рабочей молодёжи – в комсомол». Посчитали, что это оппортунистический лозунг, нужно было написать: «Сто процентов молодёжи – в комсомол».

Мой брат был зачислен в лётную школу, которая находилась в Каче, в Крыму. Но так как уши у Михаила были не в порядке, его из лётной школы отчислили, а Николай Вялков так и остался лётчиком, что с ним стало потом, не знаю. Мой брат после отчисления из лётной школы поступил учиться на рабфак.

Время шло, мы с Василием по-прежнему часто встречались у нас дома. Иногда, когда я была в командировке, Вася приходил к нам домой без меня, так как он подружился с моим братом Мишей. К Мише часто приходили товарищи по учёбе.

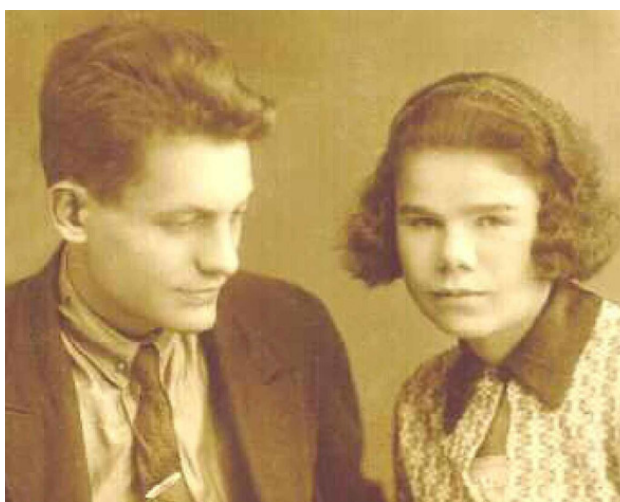
У нас была большая комната, где ребята на большом обеденном столе играли в пинг-понг, а также часто играли в шахматы. Вася вначале в шахматы играть не умел, учил его играть Миша. Но Вася накупил шахматной литературы, изучил её и стал обыгрывать Мишу. Играли они так, что оба злились, если им мешали. Вася даже участвовал в сеансе одновременной игры с известным в то время шахматистом Рюминым и выиграл партию.

Вася за шахматами в белой рубашке, которую я вышила, как украинскую.

Потом Вася с Мишей начали играть вслепую. Вася сидел без шахмат, а Миша с шахматной доской в другой комнате. Миша говорил ему свои ходы и переставлял Васиные фигуры. Вася всю игру держал в уме, помнил все ходы, и партии заканчивались вничью.

Как-то весной 1930 года Вася предложил мне выйти за него замуж, но я не дала согласия. Вася обратился к моему отцу, но отец сказал: «Вы ещё очень молоды, вам надо учиться, а не жениться». Вася по-прежнему уговаривал меня пойти в ЗАГС, но я как-то боялась без разрешения родителей. К Загсу он меня подводил, наверное, раз пять. Но, однажды, когда отец по заданию партии уехал в командировку в Сибирь, мы с Васей расписались. Это было шестнадцатого августа 1932 года. Никаких свидетелей в то время не было, только нужны были справка с места жительства и паспорт. Когда мы после расписки пришли к нам домой, мама очень плакала: «Как это вы без нас одни пошли в ЗАГС?»

С Васей, сентябрь 1933 года.

С тех пор Вася остался у нас на Пролетарской. Мы стали жить в моей комнате. Комната была очень хорошая, восемь метров. Родители с моими братьями жили в двух других комнатах.

Свадьбы у нас никакой не было, так как мой папа находился в командировке. А когда он вернулся, мама ему обо всём рассказала, и папа ответил: «Пусть живут, только дружно». Вася своим родителям о том, что женился, не сообщил. И только через месяц мы пригласили Васиных родителей Фёдора Антоновича и Агафью Ивановну к себе в гости для знакомства. Свадьбу не справляли ещё и потому, что в то время у нас не было денег. Обручальных колец, подвенечного платья и костюма мы не покупали, да тогда это было не модно и трудно было что-либо купить. Я так до самой старости не имела обручального кольца.

С тех пор, как мы познакомились с Васиными родителями, они стали часто навещать нас, да и мы тоже их навещали. Васиные родители ко мне относились хорошо.

Наша семья, 1935 год.

Жили мы с Васей дружно, он очень много читал, но и работал много. Я по-прежнему работала в ЦЭМе. О том, что я вышла замуж, на работе я не сказала.

Я взяла фамилию мужа и стала Круговой, но когда я пошла в тридцать третье отделение милиции получать паспорт, обнаружилось, что там написаны две фамилии: Зыкова – Кругова. Так сделали и другой девушке, жившей в нашем доме, она была Образцова, а стала Образцова – Щербакова. Почему так сделали в милиции, я не знаю, меня не предупредили, и так я стала Зыковой – Круговой.

Васины родители

В 1930 году к Васе в Москву приехали из Грибановки родители, отец Фёдор Антонович, мать Агафья Ивановна, и брат Иван, шестнадцати лет. Я об этом не знала, да и никогда ничего не спрашивала. Я у них дома никогда не была. Потом выяснилось, почему приехали родители.

В 1930 году Васин отец получил «твёрдое задание», которое он не смог выполнить. И, так как ему нечем было платить, у него отобрали дом и сломали его. Жить им стало негде, они и приехали в Москву. Отец поступил в качестве плотника на работу в Институт Востоковедения, потом стал прорабом, потом комендантом. Так он проработал до самой смерти, до 1943 года.

По поводу неправильного наложения «твёрдого задания» Вася и Макс ходили на приём к Марии Ильиничне Ульяновой. Мария Ильинична согласилась, что сделали это неправильно, и сказала, что вернёт им дом. Она даже хотела дать им бумагу о возвращении дома. Но дома уже не было, они сказали, что дом им не нужен, и справку не взяли. Потом очень жалели об этом.

СЫН

Девятнадцатого февраля 1933 года у нас родился сын Вова. Он был очень хороший, крупный мальчик. Родила я его быстро. В родильный дом меня провожали Вася и мой брат Миша. Роддом им. Клары Цеткин находился недалеко от нашего дома, в Шелапутинском переулке. Вася и Миша ещё не успели уйти домой, как врач спросил их: «Кто тут отец?». Вася сказал: «Я!». «Ну, вот, поздравляю вас с сыном!» – сказал врач. Вася потом рассказывал, что он долго щипал себя за нос и никак не мог прийти в себя: «Неужели я отец?».

Когда мне показали моего сына, оказалось, что на щеке у него большое родимое пятно, а на голове шишка. Я очень плакала и от этого у меня долго держалась температура. Я пролежала в роддоме две недели. Вася меня успокаивал: «И на солнце есть пятна». Впоследствии я увидела такое же пятно на виске у Васиной тётки Маши (Марии Антоновны Круговой). В роддом за нами пришёл Вася. Жили мы в нашей восьмиметровой комнате, кровати для Вовы у нас не было, так как детские кровати тогда в магазинах не продавались. Вова спал на двух составленных стульях.

В декретном отпуске до родов я была только две недели, а после родов один месяц, а вообще, в то время декретный отпуск составлял только два месяца. Когда я пошла на работу, я оставляла для Вовы своего молока на один раз, и один раз в обед мама привозила мне его на работу. Я кормила его в женской уборной, так как другого подходящего помещения в ЦЭМе не было. Как полагается, я ходила с ребёнком в консультацию, вроде всё было в порядке, шишка на голове пропала. В июне мы его сфотографировали и поехали на дачу в Перловку. В помощь маме мы пригласили на дачу мою двоюродную сестру Лиду, ей было лет четырнадцать.

После переезда на дачу две недели прошли хорошо, но вдруг заболел Вова, у него поднялась очень высокая температура. В Перловке мы обратились к очень известному врачу Беленькому. Посмотрев Вову, он поставил диагноз: инфекционный менингит. Где мы его подхватили, не знаю, и через несколько дней, двадцать седьмого июля, в возрасте шести месяцев Вова скончался. Хоронили мы его в Москве на Калитниковском кладбище, состояние моё и Васи было ужасное. После смерти Вовы не прошло и полгода, как умерла от ревмокардита Лида, которая жила у нас на даче.

Неприятности

После смерти сына на дачу в Перловке мы больше не поехали. Летом 1934 года отец снял дачу в Царицыно, недалеко от станции. Я помню, мы с Васей обошли весь парк, и он меня фотографировал на фоне Екатерининского дворца.

И вот, как-то в поезде по дороге в Царицыно у меня случился жуткий приступ, я чуть не потеряла сознание. Вася еле довёз меня домой, (мы вернулись обратно), и вызвал врача. Врач Рабинович признал у меня воспаление почечных лоханок. Анализ мочи показал, что лейкоцитов в поле зрения было тридцать при норме один-три. Я проболела недели две или три, находясь на строгой диете. Когда я пришла в поликлинику, врач мне сказал: «У тебя всё хорошо, сделай последний раз анализ и приходи ко мне». Сдав анализ, я пришла к Рабиновичу, и на вопрос, как себя чувствую, ответила, что хорошо. Вдруг он снимает телефонную трубку и вызывает скорую помощь. Оказалось, лейкоцитов у меня в моче было сто. В больницу ехать я отказалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.